

отворила наружную дверь и, перебѣжавъ черезъ газонъ подь сильнымъ дождемъ, спряталась въ кустахъ, откуда были видны окна дома.

Только одно было освѣщено, окно въ комнатѣ ея матери. И вдругъ двѣ тѣни появились на его свѣтломъ фонѣ, двѣ черныхъ тѣни, одна подлѣ другой. Затѣмъ, сближаясь, они слились въ одну и при свѣтѣ новой молніи, бросившей на фасадъ дома снопомъ ослѣпительнаго яркаго свѣта, она увидѣла, что они цѣлуются, обнявъ другъ друга.

Тогда, обезумѣвъ, не думая о томъ, что она дѣлаетъ, она закричала изо всей мочи пронзительнымъ голосомъ: — мамаша! — какъ кричать, чтобы предупредить людей о смертельной опасности. Отчаянный призывъ затерялся въ шумъ дождя, но обнимавшаяся парочка разсталась въ тревогѣ. И одна изъ тѣней исчезла, въ то время какъ другая вглядывалась въ темноту сада.

Тогда испугавшись, что ее найдутъ, что она попадется на встрѣчу матери, Иветта бросилась въ домъ, поспѣшно вбѣжала по лѣстницѣ, оставляя позади себя цѣлый ручей воды, сбѣгавшей со ступеньки на ступеньку, и заперлась у себя въ комнатѣ, рѣшивъ никому не отпирать двери.

И не снимая мокраго насквозь и прилипшаго къ ея тѣлу платья, упала на колѣни, сложивъ руки, моля въ своемъ отчаяніи небо о сверхъестественной помощи, о таинственномъ покровительствѣ, къ которому прибѣгаютъ люди въ минуты слезъ и горя.

Длинные молніи время отъ времени озаряли ея комнату зеленоватымъ свѣтомъ и она видѣла свою фигуру отраженной въ зеркальномъ шкафѣ, съ распущенными, мокрыми волосами, и до того странную, что сама себя не узнавала.

Она простояла такъ долго на колѣняхъ, что и не замѣтила, какъ гроза прошла.

Дождь пересталъ, небо просвѣтлѣло, хотя облака все еще не совсѣмъ разошлись; теплая, душистая, чудная свѣжесть отъ мокрыхъ деревьевъ и травы, проникала въ открытое окно.

Иветта встала съ колѣнъ, сняла свои мокрыя и холодныя одежды, даже не сознавая, что дѣлаетъ, и легла въ постель. И долго лежала, устремивъ глаза на появляющуюся зарю.

Потомъ она опять принялась плакать; потомъ стала размышлять.

У ея матери есть любовникъ! — ахъ! какой стыдъ! Но она читала такъ много книгъ, гдѣ женщины, и даже матери, падаютъ такимъ образомъ съ тѣмъ, чтобы снова подняться къ концу романа, что не особенно дивилась тому, что и она попала въ драму,